

Елена ШВАРЦ

Перелётная птица

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІ

Елена ШВАРЦ

Перелётная птица

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІ

ШЗЗ

ББК 84. Р7

Редакция благодарит:

К. Козырева

за предоставленные тексты,

О. Седакову

за разрешение использовать её заметки

в качестве послесловия

Марка издательства работы

С. Семенова

© Е. Шварц (наследники), 2011

© В. Немтинов, фотография, 2011

ISBN 978-5-89803-216-6

© О. Седакова, послесловие, 2011

СТИХОТВОРЕНИЯ
(2007–2010)

ВЕСТИ ИЗ СТАРОСТИ

1. На улице

Вдруг зеркало по мне скользнуло,
Чуть издеваясь, чуть казня, —
Придурковатая старуха
Взглянула косо на меня.

Я часто в зеркалах менялась,
Но узнавала. А теперь...
Я б удивилась даже меньше,
Когда б оттуда прыгнул зверь.

21 окт. 2007

2. Песенка

Солнышко вставало
С песнею утешной,
Ведь оно не знало
О любви кромешной.

Синева слетела
На сугробы сада,
И синица спела —
Больше жить не надо.

25 февр. 2008

Нет, не истрачу весь талан —
Чуть-чуть оставлю на дорогу,
Та-а-кую длинную дорогу, —
Пускай и в небесах карман
Позвякивает понемногу.

Нет, вся я не испелась, нет,
Как будто чёрные ключи,
Вскипая гласными и кровью,
Берут источник в тёмной ночи
Из моря морфия, Морфея,
И вечность всю чрез нас бормочут,
Грудь ожигая, ветром вея...
И нужен ли им разум дня,
И будут течь ли без меня...

18 июня 2008

ВЕСНА — ГОЛЕМ

Коробочками серенького хлопка
Воробьи усыпали голову куста,
А весна улыбалась мокрыми устами,
Недалёко стоя — метрах в ста.

Как девушка из винной лавки
Или, скорее, — тихий Голем,
И небо синее дышало
Льдяным и синим алкоголем.

И налилась тогда на прутьях
Зелёных россыпь бородавок
И мириады ярых почек,
Что листья из утробы дают.

Они неслышимо вопили,
Рожая клейких близнецов,
И травкой — нежною щетиной —
Поросло весны холодное лицо.

Из грязи, из весенней смети
Был слеплен двоеполый Голем
И зеленеющие сети
Метал на город с колоколен.

18-19 апр. 2008

ДНИ СТРАСТНОЙ

Понедельник

(вспоминают бесплодную смоковницу и прекрасного Иосифа, в доме убирают)

Чёрный голубь — он сердце Страстной —
На пружину сел драного кресла
И сказал, что смоковница та —
Анти-Лазарь — она не воскресла.

Не хотела она и навстречь
Силе не породила усилья.
И тут голубь мощно развёл
Свои смоляные крылья.

И — как братья к тому, кто потерян
И нашёлся — воробьи слетели к нему:
«Ты — Иосиф, ты силе и вере
Научи нас, мы всмотримся в тьму».

Не смущаясь, он поднял крыло
С тёмно-серой графитной канвой.
Мыли окна, и в доме светло.
Чёрный голубь — он сердце Страстной.

21 апр. 2008

Великий Вторник

(вспоминают о Втором пришествии, чистят одежду)

В шкаф с мамиными платьями,
В его родную душную тьму,
Чуть пахнущую старыми духами,
Я не заглядываю уже десять лет,
Не знаю почему.

Вдруг всё пойдёт иначе?
Вдруг будут нужны ей?
Вдруг лопнет небо
И совьётся как свиток?
Ино мне кажется — ты долго,
Годами выбираешь платье
В той душной тьме, но выйдешь вдруг
Вся в новом, скажешь: «Вот опять я».

22 апр. 2008

Неопалимая Купина

Нет, не зачах он, не иссох,
Его не съела смерть сама,
Его нам выцарапал Бог
На яблоке глазном ума.

То образ есть души негрубый —
Втеснясь, объяв состав телесный,
Всё сожигает, но не губит
Огонь небесный.

В неопалимой купине
Провижу уголь уст.
Распят, распят и человек,
И ты — терновый куст.

*26 апр. 2008,
пасхальная ночь*

Великая Среда

*(предательство Иуды,
покупают всё потребное для кулича и пасхи)*

Земля горшечника — унылый загород,
Он продан был за тридцать серебряных,
Несущих блеск, беду монеток мгlistых.
Они рассыпались, но подобрал народ.

Три дня они висели на весах,
На чашечке — в далёких небесах,
А на другой лежала жертва тяжкая, как жёрнов.
Но вот монеты брошены во прах.

И сатанинская награда
Разбрызгалась, как капли яда,
И пролилась по городам:
В Париж крупица, в Амстердам,
В Москву (но там её не надо)...
И где-нибудь меняла в лавке,
Сверяя блеск с сияньем лунным,
Случайно в небе и оставил
Сребряк Иуды,
А прежнюю смахнул в подвал.
Но преисподней чуткие исчадья
Взломали пол и укатили в свои пределы,
Повесили в дыму и чаде,
Чтоб серая луна Иуды
В унылой вечности горела.

13 мая 2008

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ (*Маленькая элегия*)

Заката птицу режут над Обводным,
Карминное крыло дрожит в воде холодной,
Звезда горит, как глаз души голодной,
Ненасытимой, алчной...
Но если есть такая жажда,
Чего — не знаю
(может, рифма знает),
То, значит, существует неизвестный
Предмет таких желаний —
Нечаянная, смутная страна неведомого счастья, упоенья...

Здесь мы, а там уж мир иной.
Канал Обводный, мёрзлый, тусклый,
Мир очертил чертой стальной —
Как будто вымечтан этрусском
Соннотекущий змей больной.

Он полосой травы горящей
Обводит край сей жизни настоящей,
Сей милой жизни. Что же там, за ним?
Не разглядеть тот берег, хоть и недалёк он,
Не разглядеть страны той предстоящей.
Но тени белые кружатся за потоком,
Они и мечутся, и страждут, видит око
Туманность жизни... новой и кипящей.

19 мая 2008

Не предаст меня тело коварное —
Это скопище скрупулов бранное,
Это атомов стадо лукавое,
Это правильных бредов собрание
Поболит-поболит и опомнится,
И по кругу пойдёт опять,
Не предаст меня вече багровое,
Крови шумное, не предаст.

А душа, как «божественный ветер»,
Мчит над морем, не глядя назад,
Чтобы бросить в кого-то другого
Тело, взятое напрокат.

2008

ИНОПЛАНЕТНАЯ АСТРОЛОГИЯ

Для астрологов Марса иль Венеры
Земля — недобрая звезда:
Посреди небесной сферы,
Пульсирующая и живая,
И тёмно-синяя слеза
Из-под невидимого века.
И пять лучей, как острые шипы,
Как бы прообраз человека,
Пронзают все миры окрест.
И знает лунный астролог —
Ему издалека видней,
Мрачнее ли она Сатурна,
Урана ли холодней.

Когда на чуждом небосводе
Земля восходит в новый дом,
То вряд ли помнит о своём
Надменном призрачном народе.

Перемещения дальних звёзд
Судьбу нам дарят и реальность,
Сигнала светлыми огнями,
Как корабли, ходящи в дальность.

7 июля 2008

ФОНТАН ПОД ДОЖДЁМ

В пустом саду,
Совсем напрасный
Под рябеньким, косым дождём
Фонтан дробит слезинки неба
Из струй сплетённым кулаком.

Зачем водою окропляет
Залитые водой края?
Зачем он воду добавляет
Кю властной мокреде? Не зря —
Юрод, копеечкой дарящий,
Во внутренних слезах царя.

Произошёл раскол жестокий,
И Аш восстала против О?
Или, напротив, — все потоки
Поют Потопа торжество?

1 окт. 2008

ЗЕРКАЛЬЦЕ ЛУНЫ

Зачем в рассеянном сиянье,
Как только смеркнется,
Над террою на расстоянье
Мерцает зеркальце?

И в этой амальгаме нежной,
В слоистой дымке многосложной —
Как трелобит в прозрачном камне —
Таится образ твой неложный.

Глазастый череп, тень сосны
Иль бабочка — вот облик твой.
Глаза Земли отведены,
Чтобы не видеть в час глухой
Свой лик, проглоченный Луной.
Земля пылает над Землёй.

15 окт. 2008

УТКИ В ПАВЛОВСКЕ

Ветердохнул, и вдруг
Речка Славянка
Обратилась
В Диану Эфесскую:
Бугорками пошла,
Мелкой грудью заволновалась,
Из каждого сверкающего соска
Утки пьют молоко как младенцы.

Птицы, вскормленные осенним
Оловянным молоком,
Солдатами когда-то были,
Игральным павловским полком.

Всё ждут — вернётся повелитель,
И, скинув перья свои серые,
Мундиры синие наденут,
Как будто горлышки у селезней.
И будет он наш вечный зритель.
Как скучно было в утках жить!

2008

РОНДО БОЛЬШОГО ВЗРЫВА

Кириллу Козыреву

(Есть два предположения о том, чем завершится Взрыв, в котором мы летим вместе со всеми звёздами и Галактиками: или Вселенная разлетится в тартарары, или вернётся в родимую точку, откуда вылетела. Я верю во второе.)

1. Садовник

Каждый год в начале мая,
Медленно почку вскрыв,
Лист распухает, воздух бодая
И повторяя
Большой космический взрыв.

И листва понеслась, помчалась
Как оглашенная,
И взрывалась, и расширялась
Как вся Вселенная.

Как цветок от стебля
Разлетается,
Так и вся Вселенная
Распускается.

2. Пастух

Всё получилось просто,
Как во сне:
Точка пылающая затрепетала.
Что это с ней?
Космическое яйцо
Разорвано Божьим вдохновением.

Гоня пред собой андрогина,
Мая вылетела демоном, гением
И закричала: «Пасись, скотина!»
Время-пространство тянут её платье во все стороны
Мириадам когтей
И всегда уворачиваются
От её плетей.

3. Поэт

Галактики, как табуны Пегасов
Обезумевших разбежались,
То ли падают, то ли несутся.
Кружились, вертелись, живыми казались,
На преграду всё же наткнутся
Разбегающиеся светы,
И время свернётся как свиток,
Забарабанит сердце вспять,
Будет горло снова петь
И зубы болеть,
Могила вспорется, стихнет стон.
В горькую юность старик вживлён,
В родное лоно клонится он,
Катится в эмбрион.

4. Хор молекул

Электроны вы мои, протоны мои,
Косточки мои космические,
Звёздная пыль моя, лунная сыпь...

Вы помните —
Полчища скрупул сошлись
В беззвёздном и беспланетном пространстве.
И те, что со знаком «минус»,
Были света детьми,
Их поглотила болотная плоть.

Но узнаю тебя,
Сердца зерно,
Античастица Духа,
Чуждая всем и всему,
В грубой томится глине.

5. Прохожий

Сколько младенцев в слюнявых фартучках,
Сколько старух в чистеньких платицах,
Клерков унылых, угрюмых бомжей —
Все они, как цветы в песках.
И только блёстка у всех в зрачках
Говорит о том, что душой они — поглощённый свет,
А тело — звёздный разлётанный прах.

6. Певец

А может быть, это голоса был взрыв?
Длится божественный вокализ,
И сотни неведомых гласных
Уносят материю ввысь?

Звёзды, солнца, страданье —
Поющиеся слова.
Но хрипота проникла
В костный мозг вещества.

7. Никто

Покуда Вселенная, достигнув предела,
Не закатится в точку опять,
Пока электронный саван — тело,
Зачем она сияла, пела,
Нам не узнать.

Одно хорошо — в ней повсюду есть выходы,
Столько их, что, по сути,
Всё скользит из космической мути
И весь Космос — огромный Исход.
И ведёт
Всю Вселенную
В Точку нетленную
В огненном облаке невидимый Моисей.

31 окт. 2008

AQUA ALTA

Гнилой переулок кончался каналом.
Звучком испуганный шагов,
Вздрыгнул крысёнок и бросился в воду
С лёгким плеском — и был таков.

Как деньги к деньгам — вода к воде.
Дождливый ноябрь. Воды прибавленье.
Кружевной юбкой площадь мела
Лагуна пеною наводненья.

Два мавра в колокол колотили,
Чеканя времени медяки
Последние. Чайки жестокие били
Нежных голубок и рвали в куски.

Как святая обручалась с младенцем,
Так ты, Серениссима, — с Мавром и Морем.
И он, Адриатик влюбленный, вскоре
Вольётся в глаза твоих дождей, Венецья.

Венеция, высокая вода,
Ты жаждешь ли исчезнуть навсегда,
Как лучшее на сей земле виденье,
В последнее бросаясь наводненье?
И кружев каменных я слышу шелест: «Да»,
И града склизкого самозабвенье,
Когда толчками дикая вода
Вздывается, как Боговдохновенье.

2 дек. 2008

МЕЧТАНЬЕ

Как нервная марионетка,
Чуть дёрнусь, думая: зачем
Мы, умирая, не исчезнем
Совсем-совсем,

Как рваный дым или вспышка света,
Не оставляя ничего:
Ни горстки пепла, ни корсета
Нелепейшего из костей?

И не было б нечистых кладбищ,
Где рыщут псы сторожевые...
Насколько больше бы надежды
Питали бы ещё живые!

12 янв. 2009

ЦЕРКОВНАЯ СВЕЧА

Меняя тело на свеченье,
Свой воск на свет исчезновенья,
Как знаменье Преображенья,
От тихого ли дуновенья
К востоку клонится свеча,

Как бы овца Христова
Иль сокровенное, в слезах,
Едва прошептанное слово.

И кто её зажжёт — смотрел
В неё, как сонный сокол,
И в сердце пламени тонул
В безмыслии высоком.

20 янв. 2009

ВО СНЕ РАССКАЗЫВАЮ СОН

Даже три плаща Майи так не согреют,
Как тепло в зимней постели.
Проснувшись, я вспомнила, что во сне рассказывала сон.
О, Чжуан-цзы, не тебе ли?
А наяву — в этой тесной юдоли
Стала бы рассказывать о своей доле?
О жизни в последние дни творенья,
О том, что поэзии цепь свисает с небес,
Но уже коснулась моря.
О блаженстве соперничать с птицей,
О споре крови и горя.
И о том, как с ладони взлетали стихотворенья,
Захлёбываясь, и пели.
И о горько-блаженной судьбе.
А за окном мороз трещал, кусая губы,
Как человек, разрывающий на себе
Тесную шубу.

26 янв. 2009

ВОСПОМИНАНИЕ О РИМЕ

Меня, как сухую ветвь,
К Риму долго несла река,
И очнулась я, чуть отпив
Древле волчьего молока,
Что сочится из всех щелей,
Что от самых молодых ногтей
Каждый римлянин жадно пьёт
Из Волчицы, простёршей над градом
Голубой и бездонный живот.
Вот я шла и брела под ним,
Бормотала себе, и незримо
Обломок жизни моей
Прилепился к руинам Рима.

6 марта 2009

ВНУТРИ СВЕЧИ

В мандорле* живого огня,
На лазурном подножии
В тёмном облачке,
В туманном орешке
Чёрным иноком фитиль
Колеблется в такт молитве.
Святой, ты живёшь в огне,
Который порой недвижим,
Порой качает его дыханье
Невидимого Бога.

18 апр. 2009, накануне Пасхи

---

* Mandorla (*итал.*) — миндалина.

ИГОЛЬЧАТОЕ МОРЕ

Как будто рой подводных швей
Вбивает тысячи играющих иголок
С изнанки моря, услышав глас:
— Подкладку мне пришей!
Иглы взлетают вверх
И падают под воду,
Где снова ловят их
Глубоководные юроды.
Иль рыбы финские,
Летучим подражая,
Взлетают вверх изо всех сил,
Сияние изображая
Живыми иглами,
Сверкая блёстками?
Иль просто солнце расколось
На щепки острые?
Ужель и морю свойственно тщеславье?
И оно, представ пред ангелов толпой
Последним Судным смутным утром,
Откинет горделиво полу скользкого пальто —
Весь дым глубин, расшитый перламутром.

27 мая 2009

Мы — перелётные птицы с этого света на тот.
(Тот — по-немецки так грубо — tot.)
И когда наступает наш час
И кончается наше лето,
Внутри пробуждается верный компás
И указывает пятую сторону света.
Невидимые крылья нервно трепещут,
И обращается внутренний взгляд
В тоске своей горькой и вещей
На знакомый и дивный сад.
Двойною тоскою тоскуя
Туда караваны летят.

12 июн. 2009

КУПАНЬЕ ПРАЧКИ

Вошедши с плотомойни в реку,
Вся съёжась, баба говорила:
— Какой ты, Оредеж, холодный! —
Как будто молодцу случайному
Или родному человеку.
— Какой холодный ты сегодня... —
Сказала и погладила рукою
Нагую воду с нависшей от берёзы тенью.
А Оредеж, стремительный и тёмный,
Как будто бы чурался её горячего бесформенного тела,
И мимо пролететь хотел
И ускользал её прикосновенья.
Как будто не рекою был, а духом
Или горою льдистой,
Что с отвращеньем, будто муху,
В алмазах терпит альпиниста.

1 июля 2009

ПУГАЛО И СОЛОВЕЙ

Соловей:

Чучело, огородное чудище
В сереньком, косеньком пиджаке,
На колу жестоко распятое,
Свить бы гнездо в гулкой твоей голове!
На палке повисшее,
Со скалкой в руке.
Свистом и щёлканьем
Бестелость твою щекотать.

Пугало:

Голова моя — горшок.
Я лечу наискосок,
Мира поперёк.
Я — распятое ничто...

Соловей:

И ничто, коли распято —
Тень страдающего брата.

Пугало:

Пусть вороньё меня трепещет,
Но ты лети в надежде вещей.
Пусть я — изгой,
Упрёк всем грубо воплощённым,
Всем тёмной кровью развёрщённым.

Соловей:

Фиал страдания пустой,
Пусть щёлканье и нежный свист
В тебе живут.

Пуškai поёт
Взамен души
Мой высвист, посвист мой ночной.

Пугало:

Пусть трель звенит твоих колен
Взамен души, меня взамен.
Взамен души, взамен души
Ты в призрак тела поспеши.

*Сместился ум у соловья,
И он уже поёт не розу,
А небу смутную угрозу
Из грязи, скорби и тряпья.*

6 авг. 2009

Это было Петром, это было Иваном,
Это жизнью было — опьяневшей, румяной.
А вот нынче осталась ерунда, пустячок —
Опуститься ль, подняться на века, на вершок.
И всего-то остался пустячок, кошмарок —
Нежной, хилой травинки вскормить корешок.

16 окт. 2009

ВОСПОМИНАНИЕ О РЕАНИМАЦИИ С ВИДОМ НА НЕВЫ ТЕЧЕНЬЕ

Елене Поповой — с любовью

На том берегу мы когда-то жили...
(Отчуждайся, прошлая, отчуждайся, жизнь!)
Я смотрю в Невы борцовские прожилы
И на угольные угриные баржи.

Я у окна лежала и внезапно
Взяла каталку сильная вода.
Я в ней, как будто Ромул, утопала,
А вместо Рема ёрзала беда.

И влекло меня и крутило
У моста на Фонтанке и Мойке.
Выходите встречать, египтянки,
Наклоняйтесь ко мне, портомойки!

К какому-нибудь берегу принесёт,
И руки нежные откинут одеяльце
И зеркало к губам мне поднесут,
И в нём я нового увижу постояльца.

2 ноября 2009

Не из камня, не из древа —
Из живой волны слова,
Выдуваемого как стекло,
Переливчатого, текучего,
Пылающего,
Храм возвести —
Дело жизни —
Словесная церковь.

2009

МОРОЗНАЯ НОЧЬ

Один лишь чертёж,
Только замысел созвездия Ориона, —
Доказательство Божьего бытия.
И другого не надо. Наглядно и строго.
Если б волки завыли на всходящего Бога,
Принялась с ними выть бы и я.
Если б волки завыли,
Если б птицы запели,
Я б подпела им в тон,
Глядя, как по невидимой цели,
Сквозь серебристые ели
Бьёт трёхглазой стрелой Орион.

19 янв. 2010

Корабль Жизни уносился вдаль.
Я с вашего упала корабля.
Не различить, где небо, где земля,
Где воздух, звёзды, череп иль лицо.
Зачем заветное глотаю я кольцо?
Мне ничего в себе не сохранить,
Сгнила в воде и Ариадны нить.
Птенца самосознания утопить
(Но он не хочет исчезать, хоть и устал.)
И вольною волной средь волн уплыть.
Ах, зубы скалить белые у скал,
Сверкать, сиять в ночи привольно,
И морю не бывает больно.
Бывает болен Бог? Он ведь — боль.
А ей не больно. И меня уволь.

Нач. января 2010

Как флорентийский дюк,
Отравленный коварно,
Я угасаю. Дух,
Мечась по клетке тварной,
Уже почти вовне,
Уже почти снаружи.
Глаза туманятся, мерцая,
Смотрят вчуже.

30 янв. 2010

L'ESPRIT DE VENISE

Крыса сидела на кромке канала.
Вся в забытьи, она созерцала
Плывущие корки, бутылки, зеркала,
Но, заслышав шаги, в ноябрьскую прыгнула воду.

Едва я вошла и вдруг оглянулась:
Огромная чёрная крыса в дверях, подбоченясь, стояла
И что-то в сердцах бормотала:
«Я бы выпила, я б закусила».
К себе придвинув чарку, замолчала,
Чуть отхлебнула кьянти молодого.
Она была метаморфоз купца
Венецианского, расчётливого, злого,
И маску сдвинула, но треть лица скрывала.

1 марта 2010

Статья О. Седаковой «L'antica fiamma» опубликована ранее в журнале НЛО № 103 (2010) и в собрании О. Седаковой «Четыре тома». Том III. Poetica. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.

L'ANTICA FIAMMA*
(Вместо послесловия)

Елена Шварц — одна из ярчайших звёзд в небе русской поэзии XX века. В этом небе, с его звёздами, ближними и дальними, утренними и вечерними, с его созвездиями, туманностями, метеорами и другими небесными телами, свет её звезды — самой молодой в этой сверкающей россыпи — не потеряется и не померкнет. Звезда Елены Шварц движется в небе мировой поэзии. В наши дни планетарность поэтических событий стала совсем наглядна. Написанное в Измайловских ротах почти без промедления звучит на шведском или итальянском. Но дело даже не в этом. С самого начала Елена Шварц принадлежала тому поэтическому миру, который располагается над веками и традициями и открывается первыми сложенными по мусическим законам словами. В мире Гомера, Данте, Эмили Диккинсон... Так было задумано — не столько ей, сколько о ней. Давным-давно, в нашей молодости, я писала об этом ей (точнее, одной из её героинь или масок, её alter ego, римской поэтессе Кинфии, и потому элегическим дистихом):

Нет, не забудут тебя, если будут кого-нибудь помнить.
Тихого мальчика в сад тихий садовник ведёт:
— Видишь розы мои? это Гораций. А это —
возле фиалок Сафо — Кинфия, тайна и мак.

---

* Древнее пламя (*ит.*). Имеются в виду слова Данте перед появлением Беатриче:

Men che dramma di sangue m'è rimasto che non tremi:
Conosco i segni dell'antica fiamma. (Purg. XXX, 46–48.)

(«Ни грамма крови во мне не осталось, которая бы не трепетала: Узнаю знаки древнего пламени».) С таким чувством я впервые прочла в юности «самиздатские» копии стихов Елены Шварц. Они в дальнейшем составили книгу «Ejercitas exorcitans» («Войско, изгоняющее бесов»).

Горация Лена любила («Две сатиры в духе Горация») и читала в оригинале:

Курю табак турецкий, оду
Горация с трудом перевожу,
И часто мой словарь ныряет в воду.
(«Времяпровождение»)

В оригинале она читала и других любимых поэтов: Верлена по-французски, Данте по-итальянски, Гейне по-немецки, Кольриджа по-английски, польских поэтов по-польски...

Многоязычие было ей дорого и необходимо. Вспышки иноязычных слов в визионерском «Плавании» — польских, немецких, английских, зарифмованных с русскими, поражают.

Вся она тёмная, тёплая, как подгоревший каштан.
Was hat man dir, du armes Kind, getan?

Это — как сверкнувшее в прореху языковой ткани известие о том, что поэт в действительности пишет на всех языках сразу. Так

в прорехи звёзд
Сияет ослепительное тело.

В смене языковых одежд Лена (в силу нашего долгого общения — ему лет 35, не меньше, — я не могу называть её иначе), вероятно, любила исходное — и финальное — единство стихотворного мира, единство словесного мира, «струны мировой азбуки», словами её любимого Хлебникова:

Он один — хотя их много —
Одинаков навсегда:
Древний филин астрологов.
Спотыкаясь, всходила звезда
По проволочной лесенке полночи.

Слова о звезде, с которых мы начали, — не тривиальная, испоганенная бесчисленными «суперстарами» метафора.

Звёздное небо — не метафора, и небо поэзии — тоже не метафора. Елена Шварц бесконечно любила звёзды. Как сама она пишет, больше всего в этом мире:

Из всего — только всего и жаль —
Звёзды, и даже слова о звёздах.

Последнее, чего будет жаль, прощаясь с жизнью. Она знала карту звёздного неба, как мало кто теперь: как старинные мореплаватели и поэты. И «слова о звёздах», именовании звёзд — сколько их у неё! Звезда Мицар и свирепый Сириус, Кассиопея-бабочка, все фигуры Зодиака... Быть может, только у Данте астрономия так неотступна (он, как все знают, — хотя, кажется, никто не задумался, почему, — и Ад, и Чистилище, и Рай заканчивает словом *stelle* — «звёзды»): всё происходящее происходит перед изменчивыми конфигурациями этих неусыпных глаз Аргуса, этих огней, этих «световых печатей»: в виду светил. Лена нашла для них множество удивительных и очаровательных уподоблений: «тяжёлое гусиное яйцо» утренней зимней звезды, «фамильное серебро» ясной весенней полночи:

О небо! Небо! грустно мне!
И вот ты вынесло, умильное,
И выставило на окне
Всё серебро своё фамильное.

«Фонтан» и «рана» звезды:

Звезда огромная фонтаном
Над пропастью души горит
И в голове тщедушной сада,
Как рана светлая, болит.

Как у Данте, всё у неё кончается звёздами*. Но есть нечто ещё более последнее, уже после всего, после прощания. Это стихи:

---

* Я оставляю в стороне её сложные и напряженные отношения с Лунной. Обо всём не скажешь, и эти мои заметки — ни в коей мере не полный очерк поэзии Елены Шварц.

Нет тела у меня и нету слёз,
А только торба в сердце со стихами.

С горстью русских стихов в кармане хочет она найти себя в иных пространствах. И просит, чтобы они не сгорели «в распахнутом огне» («Когда лечу над тёмною водой»).

Служенье Муз — для кого-то безнадёжный анахронизм — было для неё простой реальностью. Нет, не простой: таинственной, священной реальностью. Образцом поэта, в конце концов, был для неё царь Давид, пляшущий перед ковчегом. Священный экстаз, видение-откровение, спасительная жертва — всё это входит в её мысль о поэзии, в её *Ars poetica* — искусство поэзии.

Елена Шварц рано — похоже, с самого начала — заговорила своим голосом. Я не знаю ни одного её школьного или подражательного стихотворения. В первых же известных стихах (1968 года: более ранних я просто не знаю; но уже о том, что она сочиняла подростком, ходили легенды) всё на месте: её голос совершенно свободен, её пестрый и отчётливый словарь собран, «клавиатура упоминаний» обширна и послушна, причудливый ход рассказа (шедевр здесь — «Баллада, которую в конце схватывает паралич») испробован, ритм, подвижный как ртуть играет («полиметрия»). Всё уже удалось. Небывалый реализм интонаций: речь — обиженная, задирающая, сочувственная — записана «как живая»; от рассказа о предмете она мгновенно переходит в разговор с предметом, с любимым, попадающим на глаза:

И повторю: я вам не флейта,
Я не игрушка вам,
ни вам, печёнка, селезёнка,
ни сердцу, ни мозгам.

Так дети заговаривают со всем, что встречают по дороге. Ибо: «Зачем книги без картинок и разговоров?» — как спрашивает кэрролловская Алиса. Но в этой как будто просто-душной детскости действует взрослый, очень острый ум — остроумие в старинном смысле слова. В первых же стихах

Шварц явился её удивительный образный ряд («сравнений цепи»), та свобода от обыденного, намозоленного облика вещей, какой обладают сновидцы и визионеры. Образы Шварц являются из глубины сновидений, в них просвечивают архетипические фигуры. Неслучайно потом она так увлеклась Юнгом: он исследовал и описывал то, что ей было давно и хорошо знакомо. Да, и звук, мгновенно опознаваемый звук Елены Шварц:

Скрипят его ботинки,
Как двери рая.

«Гармонизация шумов» — назвала бы я эту звуковую работу, или «просветление шумов». Консонантизм у Шварц сильнее вокализма. Но её согласные звучат как гласные. Это — музыка XX века, в стороне от классической кантилены.

В начале наших семидесятых годов такая ранняя самостоятельность (да и вообще самостоятельность) была просто чудом. Время для этого было крайне неблагоприятным. Елена Шварц в своем «Бурлюке», посвященном Виктору Кривулину, описывает его точно — «пора глухоговоренья»:

Но вы — о бедные — для вас и чести больше,
Кто обделён с рождения, как Польша,
Кто в пору глухоговоренья
Родился — полузадушенный, больной,
Кто горло сам себе проткнул для пенья...

Сквозь насильственное забвение, сквозь культивированное десятилетиями гуманитарное невежество (Бродский назвал его «выжженной землёй культуры») только-только пробивались «настоящие» имена и стихи: ближайшие по времени — обэриуты и Серебряный век, но и классика, и древность открывались нам как последняя свежая новость:

Открылась бездна, звезд полна.

И среди этих неожиданных, сильных, властных манер не впасть в зависимость, в ученичество, в подражательность —

это было почти невозможно. Кто вторил Мандельштаму, кто — акмеизму вообще, кто — обэриутам, кто — молодому Пастернаку, кто — Цветаевой. Лена не вторила никому. Самыми близкими ей по просодии были Велимир Хлебников и Михаил Кузмин. Совсем открытый Велимир — и лукавый Кузмин, с «лисыим шагом» его музы.

Но важнее всего своеобразия её ритмов, тем и образом то, что Елена Шварц знала себя поэтом, и никем другим, и говорила как поэт, то есть как власть имеющий, а не как «исполняющий обязанности поэта», ИО или ВрИО поэта, на канцелярском языке. А ведь такова реальная ситуация большинства стихотворцев. Пока не является «сам» поэт, можно решить, что ничего другого и не бывает. И не должно быть, как не уставали декларировать советские стихотворцы, похоронившие в историческом прошлом всех других, «небожителей» и «жрецов»:

Мне грозный ангел лиры не вручал.
Рукоположен не был я в пророки —

гордо объявлял один из столпов этой «служилой» поэзии. Елена Шварц говорила о себе прямо противоположное:

Огромного сияющего Бога
Я не унижу — спящего во мне.

Естественно, навлекая на себя раздражение, подозрения в нарциссизме, шарлатанстве и мании величия. Впрочем, если те, советские, стихотворцы были литературными чиновниками на государственной службе, постсоветские похожи на клерков какой-то Фирмы С Ограниченной Ответственностью; но, как и прежние, они «временно исполняют обязанности» поэта. И над «небожителем» посмеются ещё презрительнее. Поэт,

на миг вобравший мира боль и славу, —

совсем другое дело. Все знают, что это славно. Но как это больно, догадаться со стороны трудно:

Живой и вставшею могилой
Лечу пред Богом одиноко.

Она пришла в русскую поэзию со своим миром, со своим космосом: по вертикали он простирается от Альдебарана до глубины рудников и морского дна:

Я опущусь на дно морское
Придонной рыбой камбалой.

По горизонтали — во все четыре стороны света. В этом мире есть Китай и Северный полюс, белорусские местечки, Аркольский мост, городок Стокгольм и Дева Венеция, множество эпох и обитателей этих эпох («Распродажа библиотеки историка»). А птицы, а рыбы, а звери! А насекомые — пчёлы, шмели, мухи, даже моль... Среди мух есть и белые мухи — Музы, а среди зверей — такие, каких можно встретить только в старых Бестиариях. Впрочем, и все шварцевские звери, птицы, пчёлы, растения туда стремятся — куда-то поближе к Единорогу, в мир иносказаний. «Пятая сторона света» занимала её не меньше четырёх общеизвестных: ангелы, эльфы, саламандры, всяческие иноприродные существа — вроде китайских оборотней-лис, да ещё обширная шварцевская бесология (более занимательная, чем графическая серия Дм. А. Пригова на эту неприятную тему).

Ей интересны люди, находящиеся в постоянной связи с этим пятым измерением: пифии, сивиллы, библейские пророки, святые, юродивые, алхимики, монахи всех конфессий, даосы, хасиды и фиваидские пустынники. А среди «простецов» — уроды, глухонемые, полоумные: они тоже ближе к Тому. Что же до соединения вер, которое задумывала Е. Шварц, «экуменизм», даже «экуменизм без берегов» — слишком слабое для этого название. Не только веры человеческие, но и веры животных и стихий она пыталась изложить и соединить («Воздушное Евангелие», «Благая весть от четырёх элементов», «Труды и дни Лавинии») или познакомить друг с другом, поселить в одном помещении («Прерывистая повесть о коммунальной квартире»).

Во всем этом утопическом проекте, несомненно, есть нечто «понарошку», некоторая игрушечность и театральность. Этот необозримый мир мог сворачиваться и помещаться в волшебном коробке театра, даже кукольного театра. Городок в табакерке. Театр биографически был её родной стихией. Кинфия, Лавиния, юродивая, цыганка, лиса, ворона — всё это роли, сыгранные Еленой Шварц на сцене стихотворного слова. Кинфия среди них, на мой взгляд, — удача всемирного масштаба. Она затмевает все знаменитые игры в античность, и «Песни Билитис», и «Письма римскому другу». Естественным образом сочинения Шварц оказывались на сцене — в петербургских и французских постановках. В её лирической героине, когда она не выходит в каком-то сценическом костюме (да просто в её характере), я вижу и другие образы: прежде всего, Маленькую Разбойницу из «Снежной Королевы» — и гётевскую Миньону, дитя, изгнанное из земного рая, томящееся в тюрьме земной муки. Маленькая разбойница вступает за молодого Маяковского. Дитя ждёт возвращения туда, где ему — после всего — участливо скажут: «Что с тобой сделали, бедное дитя?» — «Was hat man dir, du armes Kind, getan?»

Страшный мир, он для сердца тесен.
О, на волю, на волю, как те!

Список таких — миньоновских — порывов: «Dahin!» — «Прочь, туда!» (как эти, блоковский и пастернаковский) можно продолжать до бесконечности. Поэтический порыв всегда обнаруживает тесноту, замкнутость, несвободу личного мира. Мы вдруг сознаем, что мы в Египте — и надо искать выхода из рабства. Так происходит и с героями христианской мистической поэзии (сирийская «Повесть о жемчужине»). Спасение — выход, Исход. Переживание глухой, безнадежной замкнутости мира у Елены Шварц необычайно сильно. Можно подумать, что в этом причина самых острых страданий и в этом стимул новых и новых поэтических опытов побега на свободу. С этой темы всё, по существу, начинается. «Соловей спасающий» — заглавное стихотворение Елены Шварц. Финал этого чудесного стихотворения изнемогает и рушится. Попытка городского соловья пробить звуком стену

шаровидной ночи, найти в ней точку «слабее прочих» и в ней пробуровать ход в «те пространства родные, где чудному дару будет привольно», кончается сослагательным наклонением. Но вновь и вновь в разных стихах предпринимается этот штурм «здесьней» стены. Того, что сами поэтические звуки и образы, подарки «чудного дара», размыкают нашу глухую наличность, что они в самом начале уже услышаны, для Елены Шварц недостаточно. Ожидается какой-то другой, радикальный выход — в том числе и освобождение стиха, «птицы в клетке» («Строфа — она есть клетка с птицей»). Тема клетки, плена, заточения, в котором птица поёт и разговаривает, но слушать её некому, из книги в книгу нарастает: это своего рода сюжет, развивающийся годами. Соловей «в гладком шаре ночи» — затем птица в клетке, а клетка в башне «свёрнутой как кокон»:

И мы поём, а петь нас Бог учил,
И мы рычим, и мы клокочем,
Платок накинута — замолчим.

Дальше — больше: клетка Птицы оказывается в океане («Попугай в море»), и затем Птица поёт уже на дне морском... Дальше, кажется, некуда. И вот в самых поздних стихах, из последних (цикл «Большой взрыв», опыт мистически осмысленной астрофизики, посвященный Кириллу Козыреву), образ замкнутого мироздания вдруг преображается: оно всё оказывается полно выходов. А на месте «точки той, слабее прочих», оказывается исходная и финальная Точка нетленная:

Покуда Вселенная, достигнув предела,
Не закатится в точку опять,
Пока электронный саван — тело,
Зачем она сияла, пела,
Нам не узнать.
Одно хорошо — в ней повсюду есть выходы,
Столько их, что, по сути,
Всё скользит из космической мути
И весь Космос — огромный Исход.
И ведёт
Всю Вселенную

В Точку нетленную
В огненном облаке невидимый Моисей.

31 окт. 2008

Головокружительный финал темы. Творение как Исход.

В своих эссе о поэтах Елена Шварц предложила видеть в каждом из тех, о ком она пишет, голос какой-то стихии («Горла стихий»). Не нужно долго вглядываться, чтобы понять, что лучшее в её голосе принадлежит огню. Не всё сгорает в этом огне: остаются шлак, прах, пепел, некоторые избыточные строки и стихи, к которым мы не будем возвращаться. Но там, где событие поэзии реально, там её голос открывает свою огненную природу. В одну из наших первых встреч, в ранних семидесятых, в её первой квартире у Чёрной Речки я увидела школьную зелёную дощечку, на которой мелом были написаны слова: «Огонь пришёл Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк: 12, 49). Эти слова, написанные узким, лёгким почерком Лены, смотрели прямо на входящих в комнату.

Не знаю, был ли это стих дня, который должен был наутро смениться другим. Но мне кажется, это был стих Лениной жизни. Она столько говорит о разнообразнейших видах огня: об огне звёзд, грозы, огне светильников, спичек, свечек, плошек, о печном пламени (птица на дне морском поёт):

О звёздах над прудом,
о древней коже дуба
и об огне свечном,
и о печных огнях,
негаснущих лампадах...

об огне молнии, о необжигающем огне Купины. Весь мир предстаёт у неё как епифания огня: кровь — один из её главных символов — носитель пламени, «подкожный святой уголёк»; цветы — пламя растений и прочее и прочее... Сама жизнь — саламандра, живущая в огне. Так этот мир был задуман, так он творился:

А ведь Бог-то нас строил — алмазы
в костяные оправы вставлял,
А ведь Бог-то нас строил —
как в снегу цикламены сажал
и при этом он весь трепетал, и горел и дрожал,
и так сделал, чтоб всё трепетало, дрожало, гудело,
как огонь и как кровь, распадаясь, в темноты летело...

И о последнем роде огня вспомним: о нежгущем благодатном огне Воскресения («Пасхальный огонь»). Частью этого огня она хотела бы стать:

Я бы хотела в нём уплыть —
не рыбой,
Я бы хотела в нём летать —
не птицей.
А просто слиться, раствориться.
Я стала б его грубой частью,
которая, проснувшись, жжёт.

На этом мы и простимся. Теперь она — часть того древнего огня, *antica fiamma*, с которым приходят на землю поэты и томятся, пока он не разгорится.

О. Седакова

27 марта 2010, Лазарева Суббота.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения (2007–2010)

Вести из старости.....	6
«Нет, не истрачу весь талант...».....	7
Весна — Голем.....	8
Дни Страстной.....	9
Понедельник.....	9
Великий Вторник.....	9
Неопалимая Купина.....	10
Великая Среда.....	10
Обводный канал (<i>Маленькая элегия</i>).....	12
«Не предаст меня тело коварное...».....	13
Инопланетная астрология.....	14
Фонтан под дождём.....	15
Зеркальце Луны.....	16
Утки в Павловске.....	17
Рондо Большого Взрыва.....	18
Aqua alta.....	22
Мечтанье.....	23
Церковная свеча.....	24
Во сне рассказываю сон.....	25
Воспоминание о Риме.....	26
Внутри свечи.....	27
Игольчатое море.....	28
«Мы — перелётные птицы с этого света на тот...».....	29
Купанье прачки.....	30
Пугало и Соловей.....	31
«Это было Петром, это было Иваном...».....	33
Воспоминание о реанимации с видом на Невы течение.....	34
«Не из камня, не из древа...».....	35
Морозная ночь.....	36
«Корабль Жизни уносился вдаль...».....	37
«Как флорентийский дук...».....	38
L'esprit de Venise.....	39
<i>О. Седякова. L'antica fiamma (Вместо послесловия)</i>	41

**«ПУШКИНСКИМ ФОНДОМ»,
В СЕРИИ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ», ВЫПУЩЕНЫ:**

- **К. Победин.** Поэмы эпохи отмены рабства
- **А. Генис.** Темнота и тишина
- **О. Шамборант.** Признаки жизни
- **А. Генис.** Пейзажи
- **С. Лурье.** Успехи ясновидения
- **О. Шамборант.** Срок годности
- **О. Исаева.** Мой папа Штирлиц
- **В. Соснора.** 15
- **С. Гандлевский.** Странные сближения
- **С. Лурье.** Нечто и взгляд

**ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ
ТАКЖЕ ВНЕСЕРИЙНЫЕ КНИГИ:**

- **В. Кальпиди.** Ресницы
- **Б. Ахмадулина.** Зимняя замкнутость
- **Л. Лосев.** Стихотворения из четырех книг
- **А. Ерёмченко.** Горизонтальная страна
- **Гильгамеш.** Аккадское сказание
- **А. Цветков.** Дивно молвить
- **Е. Шварц.** Сочинения в 4 томах
- **С. Гандлевский.** Найти охотника
- **Б. Рыжий.** Стихи
- **В. Соснора.** Всадники
- **В. Павлова.** По обе стороны поцелуя
- **М. Дидушенко.** Полоса отчуждения
- **Н. Уперс.** Апокрифы Феогнида
- **А. Березин.** Пики-козыри
- **Т. Кибиров.** Внеклассное чтение
- **А. Березин.** Самоорганизация материи

Приобрести книги можно в издательстве:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда». Тел.: (812)
273-37-24, факс: (812) 273-52-56

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- **Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- **С. Кекова.** Короткие письма
- **В. Салимон.** Невеселое солнце
- **И. Лиснянская.** После всего
- **Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- **И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- **Н. Кононов.** Лепет
- **А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- **Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- **С. Гандлевский.** Праздник
- **В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- **В. Дроздов.** Стихотворения
- **Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- **А. Цветков.** Стихотворения
- **Д. Новиков.** Караоке
- **И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- **Т. Кибиров.** Парафразис
- **Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- **Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- **В. Салимон.** Красная Москва
- **В. Зельченко.** Войско
- **Б. Кенжеев.** Сочинитель звёзд
- **А. Битов.** В четверг после дождя
- **Л. Лосев.** Послесловие
- **И. Лиснянская.** Ветер покоя
- **В. Гандельсман.** Долгота дня
- **Е. Шварц.** Соло на раскалённой трубе
- **Т. Кибиров.** Интимная лирика
- **В. Павлова.** Второй язык
- **В. Кривулин.** Купание в иордани
- **М. Ерёмин.** Стихотворения
- **Б. Ахмадулина.** Возле ёлки
- **Д. Новиков.** Самопал
- **Т. Кибиров.** Нотации
- **В. Соснора.** Куда пошёл? И где окно?
- **С. Гандлевский.** Конспект
- **Б. Рыжий.** И всё такое...
- **П. Барскова.** Эвридей и Орфика
- **И. Лиснянская.** Музыка и берег
- **Л. Лосев.** Sisyphus redux

- В. Дроздов. Обратная перспектива
- Т. Кибиров. Amour, exil...
- В. Соснора. Флейта и прозаизмы
- В. Гандельсман. Тихое пальто
- В. Павлова. Линия отрыва
- В. Коваль. Участок с Полифемом
- Е. Шварц. Дикопись последнего времени
- Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке
- А. Поляков. Орфографический минимум
- Б. Рыжий. На холодном ветру
- В. Соснора. Двери закрываются
- С. Кекова. На семи холмах
- П. Барскова. Арии
- М. Степанова. Тут — свет
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 2
- С. Стратановский. Рядом с Чечнёй
- А. Кушнер. Кустарник
- Е. Тиновская. Красавица и птица
- Т. Кибиров. Шалтай-болтай
- В. Гандельсман. Новые рифмы
- О. Чухонцев. Фифиа
- Л. Лосев. Как я сказал
- Е. Шварц. Трость скорописца
- Д. Шереметьев. Улика
- В. Гандельсман. Школьный вальс
- С. Стратановский. На реке непрозрачной
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 3
- А. Цветков. Шекспир отдыхает
- В. Волченко. Без охраны
- Д. Воденников. Черновик
- Е. Шварц. Вино седьмого года
- Л. Элтанг. о чём пировать
- С. Гандлевский. Некоторые стихотворения
- В. Гандельсман. Исчезновение
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 4
- О. Седакова. Всё, и сразу
- Л. Лосев. Говорящий попугай
- П. Барскова. Прямое управление
- С. Стратановский. Смоковница
- В. Гандельсман. Ладейный эндшпиль
- В. Салимон. За лицевую стороной пейзажа
- С. Стратановский. Граффити
- Е. Шварц. Перелётная птица

ШЗЗ

Шварц Е.

Перелётная птица. Последние стихи. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2011. — 56 с.

ISBN 978-5-89803-216-6

ББК 84. Р7

Шварц Елена Андреевна

Перелётная птица

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2011

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД